

1

День не заладился с самого утра: отключили интернет. Когда сонный Матвей перетек из кровати в компьютерное кресло и практически на ощупь прогулялся пальцами по клавиатуре, его ждал сюрприз: нет соединения. Он позвонил провайдеру и услышал ответ:

— Авария на магистральной линии. Вероятно, будет ликвидирована в течение суток.

Матвей тупо смотрел на экран монитора, пытаясь осознать размеры катастрофы. Вот это подстава! Целые сутки без интернета? Все, конец. Отрезан от мира. Отключен от цивилизации. Кошмар! Жуть! Самая кошмарная жуть, которая только могла произойти в понедельник в девять утра. До школы еще уйма времени — целых четыре часа. Можно было бы зарубиться в какой-нибудь шутер с френдами по сети или зависнуть на любимом сервере «Майнкрафт». Конечно, есть еще интернет в телефоне, но это совсем не то. Играть нужно с хорошим изображением и качественным звуком, так, чтобы соседи подсакивали в своих креслах.

Матвей в состоянии вселенской скорби притащился на кухню, забрался на стул у барной стойки, подпер голову руками и горестно вздохнул. Утро было испорчено. Мама же, наоборот,

бодро цокала домашними босоножками — от холодильника к обеденному столу, от стола к плите, от плиты к кофеварке, от кофеварки снова к столу. У Матвея от этого мельтешения зарябило в глазах.

— Хочу сок и тост! — мрачно потребовал он.

Мама мимоходом поцеловала его в макушку:

— Доброе утро, злючка-колючка!

Матвей недовольно дернул головой. Ну что она вечно лезет со своими нежностями? Знает ведь, что он ненавидит все эти муси-пуси. Он же не девчонка, в самом деле.

Мама поставила на стол кофейную чашку с густой молочной пеной.

— Капучино готов! — провозгласила она.

— Уже на подороже, — отозвался из гостиной папа. — Несусь со всех ног.

— Мам, ты слышишь? Сок и тост! — с досадой повторил Матвей.

— Сынок, мне некогда, я папу собираю. Скоро уже выезжать.

— Скоро? У него самолет только через пять часов!

— А пробки? А регистрация? Хватит ворчать, как старый дед. Сделай сок сам, апельсины в холодильнике. А батона вообще нет. Ты же вчера не пошел в магазин, хотя я просила. — Мама открыла микроволновку и вытащила тарелку с дымящимися блинчиками.

— Ну вот здрасьте! — живо возмущился Матвей, обрадованный возможности поскандальить. — А что, кроме меня, никто не может купить батон? Это что, моя прямая обязанность? Я живу тут только для того, чтобы ходить в магазин?

— Не только в магазин, — весело сказал папа, появляясь в кухне. — Но еще и на рынок, в аптеку... Ну и в школу, конечно.

— Смешно, — пробурчал Матвей и отщипнул кусочек от блинчика.

— Может, все-таки позавтракаешь? — спросила мама у папы.

— Да нет, позже, перед выходом. Пока только кофе, — папа взял пульт и включил телевизор.

— В начале октября каждого года жители Земли могут наблюдать метеорный поток Дракониды, названный так по созвездию Дракона, в котором находится его радиант, — громко заговорил диктор. — И, если позволит погода, в вечерние часы можно заметить падающие звезды...

— Сынок, — сказала мама, убавляя громкость. — Мы же с тобой вдвоем остаемся. Давай вечером куда-нибудь сходим? В кино, например, или на каток в наш торговый центр? Погуляем вместе, а?

— Я занят, — поспешно сказал Матвей. — Очень много уроков на завтра. И опрос по истории...

Ну что за идеи — хоть стой, хоть падай. Идти в кино с мамой! Что может быть глупее?

У мамы сделалось обиженное лицо, будто она прочитала мысли Матвея. Пришлось согласиться сходить в магазин.

— Как на каторгу, — прокомментировал папа, наблюдая за одевающимся сыном. — Пытка батоном и сосисками.

Матвей подавил тяжелый вздох. И так настроение паршивое, а им всё шуточки. Вышла из строя самая главная вещь

в доме. Без нее жизнь пуста и бесцветна. Можно сказать, утрачен смысл существования на предстоящие сутки. Только кто это может понять? Уж точно не папа с мамой.

По пути из магазина за Матвеем увязался щенок. Смешной такой, мохнатый, похожий на шерстяную варежку. Сколько Матвей его ни гнал, он не отставал. Отбежит немного в сторону, остановится, а потом догоняет: лапы заплетаются друг о дружку, уши шлепают на ветру. Матвей не выдержал, присел возле него, погладил, даже одну сосиску ему скормил. И дальше пошел, а щенок — за ним. Так и добрались до подъезда вместе. У железной двери щенок сел и выжидающе уставился на Матвея. Как будто говорил: ну хорошо, покормил, поиграл, а дальше?

Матвей потрепал его по голове.

— Ладно, уговорил. Но спорим, через три минуты ты снова окажешься на улице? Засекай!

Он схватил щенка на руки, открыл дверь магнитным ключом и побежал вверх по лестнице.

Щенок так вертелся в руках, пытаясь облизать своему благодетелю лицо, что Матвей нечаянно упустил его в коридоре. Находчивое животное рвануло напрямик в кухню. Мамин вопль, донесшийся оттуда через секунду, свидетельствовал об их неожиданной встрече.

— Матвей!!!

Мама в ужасе выскочила в коридор. Матвей и сам уже был не рад своей выходке, но нужно же держать марку. Так, на всякий случай, чтобы знали.

— Ты в своем уме?! — гневно вскричала мама.

— А что такое? — прикинулся дурачком Матвей.
— Как что такое? Ты о папе подумал?
— О папе, о папе! А обо мне кто-нибудь думает? Я всю жизнь мечтаю о собаке!
— Быстро лови его, пока папа в душе. Сейчас же неси назад.
— Мама! Где справедливость?
— Я сейчас тебе покажу справедливость! Бессовестный! Лови!

Матвей поднял подбежавшего к нему щенка и прижал к себе. Глаза мамы метали молнии. Редко удавалось так разозлить ее. Обычно она обходилась уговорами и старалась превратить все в шутку.

— Почему я должен страдать из-за папы? Я-то ведь здоров!
— Потому что мы семья! Мы поддерживаем друг друга! Болеет один — страдают все. С аллергией не шутят, дорогой мой. И мне странно, что ты в свои тринадцать лет этого не понимаешь.

— Мне почти четырнадцать.
— Тем более!

Мама вытеснила Матвея со щенком на лестничную площадку.

— Сейчас же отнеси его во двор!
— Он там замерзнет!
— В начале октября? При температуре плюс пятнадцать? Не зли меня, Матвей! Последний раз тебе говорю: мы можем жить либо с собакой, либо с папой. Кого ты выбираешь?

Матвей со щенком под мышкой побрел вниз по лестнице. Пройдя один этаж, он крикнул вверх, просто так, из духа противоречия:

— Все равно нечестно!

— Придешь — вымоешь руки! — донесся до него суровый голос мамы. — С мылом!

Во дворе Матвей отпустил щенка и присел на лавку у подъезда. Щенок покрутился рядом и, отбежав в сторону, стал копаться в опавшей листве. Матвей достал из кармана смартфон и провел пальцем по экрану. Хотя узнать, что сегодня в сети творится. Все, небось, уже там, играют. А он вынужден тут гулять, как последний дурак. Хотя на улице и правда хорошо, солнце припекает совсем по-летнему, будто у осени выходной. Папа сказал, что такая погода продержится всю неделю, и пошутил, что мама слишком рано убрала из прихожей летние туфли и солнечные очки.

С другого конца двора донеслись громкие голоса и гогот. Матвей оторвался от смартфона и поднял голову. В арке появилась какая-то шпана. Трое подростков неопределенного возраста с банками пива и пачками чипсов в руках вошли во двор, огляделись и оккупировали детскую карусель. Бабушка, караулившая внука на детской площадке, мигом выдернула малышку из песочницы и шустро понеслась к своему подъезду. Это вызвало у гопоты новый приступ веселья.

— Бабуська-спринтер! — восхитился щуплый вертявый подросток в узких тренировочных штанах и низких кедах на босу ногу. Его соратники оценили шутку громким гоготом. Матвей настороженно следил за происходящим, предусмотрительно спрятав смартфон в потайной карман на рукаве куртки.

По тротуару, усыпанному желтыми листьями, манерно выпагивала гламурная фифа на высоких толстых каблуках.

Вертялый, польщенный одобрением товарищей, гнусаво прокричал:

— Эй, принцесса Фиона, дай-ка телефончик! Мамуле в больницу звякнуть.

— Облезешь от счастья, тупой гоблин! — даже не повернувшись в его сторону, отбрила фифа.

— Чё ты сказала, коза? — дернулся тот, порываясь прыгнуть с карусели. Но другой подросток схватил его за рукав.

— Чё слышал, придурок! — Фифа гордо зашагала дальше. Самый старший, высокий и светловолосый, наклонился к двум остальным и что-то тихо сказал. Выражение его лица и шныряющий по двору взгляд не понравились Матвею, и тот поспешил домой.

Соседку тетю Валь Матвей услышал еще с первого этажа. Она всегда говорила громко, на самой высокой ноте, и когда радовалась, и когда возмущалась, поэтому нельзя было сразу определить, в каком она настроении. Ее визгливый голос разносился по всему подъезду.

— Да это не предрассудки, Полина! — верещала тетя Валь, стоя на их пороге со стаканом муки в руках. — Что ты! Негативная энергетика! Да еще и Марс в Весах! Надо подождать несколько дней...

— Ладно, ладно, тетя Валь, поняла, — нетерпеливо сказала мама, пропуская Матвея в прихожую. — Я пойду, надо собираться, у Саши самолет скоро...

— Самолет?! — истерически взвизгнула соседка, и у Матвея аж скулы свело от ее пронзительного голоса. — Сейчас ни в коем случае нельзя летать! Рождение новой луны — это

опасный период, самое большое количество несчастных случаев приходится как раз...

— Теть Валь! — резко оборвала ее мама. — Хватит уже! Что вы, в самом деле? Все, до свидания.

— Чего она? — спросил Матвей, когда мама закрыла дверь.

— Да вот, за мукой заходила.

— И опять со своими гороскопами?

— А ты можешь себе представить тетю Валью без гороскопов?

— И что у нее сегодня случилось?

— Ой, не знаю, то ли новолуние, то ли безлуние... То ли вообще криволуние. Мне стричься на этой неделе запретила, а папе — в командировку лететь. Плохой период, видите ли, негативная энергия, в общем, куча неприятностей... Да ну ее, вечно наговаривает ерунды!

Мама махнула рукой и поспешила на кухню.

«Ерунда или нет, но одна неприятность уже точно есть», — вздохнул Матвей и поплелся в свою комнату к бесполезному сейчас компьютеру.

2

Папа уехал в одиннадцать. Перед этим расчихался, да так сильно, что пришлось принять таблетку, а мама делала Матвею страшные глаза. Интересно, как папа чувствует шерсть? Ведь щенок и двух минут не был в квартире. Папа, конечно, все понял, но не разозлился. Он никогда не злился на Матвея. И всегда все разрешал.